

Цикады заливались непрерывным стрекотом. Знойное солнце и цветущие лотосы напоминали о том, что сейчас разгар лета — самое жаркое время года. Утром, проснувшись, Цяо Мань подумала, что неплохо было бы надеть лишь одну тонкую шелковую накидку с золотым узором дракона на белом фоне — это была её любимая вещь.

Впрочем, даже Цяо Мань могла позволить себе лишь помечтать об этом в одиночестве: если бы мать увидела её в таком виде, не миновать бы нагоняя. Цзюньчжу Дуаньян нахмурилась, искренне не понимая, зачем вообще нужны такие накидки... Раз их нельзя носить на голое тело, какой в них прок?

Особенно летом, когда стоит невыносимая жара. Пожалуй, только в легчайшей прозрачной ткани и можно чувствовать себя комфортно.

Иначе с чего бы ей, стоило лишь услышать мягкий голос кузины, почувствовать, как внутри что-то оттаивает?

Только вот... что теперь поделать?

Списав всё на погоду, Цяо Мань убрала за уши несколько прядей волос, упавших на щеки. Ей совсем не хотелось, чтобы кто-то нарушал их покой, но, к сожалению, этот павильон был лучшим местом в резиденции принцессы, где можно было спастись от жары. Поколебавшись, она подумала: может, вернуться в дом и сесть у ледяной чаши? В конце концов, они ведь вдвоем.

Но она же обещала показать Цзиньшэн поместье... Теперь же ей совсем не хотелось двигаться.

— Жаль, что чай тоже горячий, — после недолгого молчания негромко вздохнула Цяо Мань. Она взяла чайник и наполнила чашки янтарной жидкостью. Струя воды пустила рябь по поверхности, перед глазами за клубился пар, принес с собой тонкий аромат.

Подул ветер. Он пронесся над прудом, заставив огромные листья лотоса слегка покачиваться, спугнул стрекозу, замершую на лепестке, и, добравшись до беседки, взметнул шелковые занавеси. Ветерок разогнал ароматный туман и коснулся тонкого белого запястья Цяо Мань, на котором поблескивал золотой браслет с жемчужинами — её любимое украшение, издававшее при малейшем движении нежный звон.

— Давай подождем, пока остынет, и тогда выпьем, — послушно отозвалась Цяо Цзиньшэн.

— Угу. Я ведь собиралась показать тебе пионы, но не учла, что время упущено... Если бы ты приехала на несколько дней раньше, то застала бы их цветение. Мать никогда не ограничивает меня в таких прихотях, и, видя, что мне нравится, приказала пересадить сюда множество кустов, — Цяо Мань немного помолчала. Пионы были редким увлечением, к которому она привязалась надолго, поэтому добавила: — Гуляя по саду, всего не запомнишь. Давай поступим иначе: я отведу тебя обратно и нарисую план поместья, будешь ориентироваться по нему.

Маленькая кузина только приехала, и не было причин быть с ней строгой. Цяо Мань подумала, что она сама очень чуткая и понимающая — ведь она сама в пять-шесть лет уже знала названия всех дворцов в императорской резиденции. Интересно, сколько времени понадобится Девятой принцессе, чтобы запомнить комнаты в поместье? Если вдуматься, их не так уж много: Обитель Минтан, где живет мать, да её собственный Павильон Хуаньцин.

Однако Цяо Цзиньшэн смутилась и лишь спустя долгое время произнесла:

— Но, сестрица Мань... Цзиньшэн еще не умеет читать.

Цяо Мань замерла. Не умеет читать? Это была серьезная проблема, о которой она даже не задумывалась.

— ...Тогда давай сначала подадим обед.

Когда Чжангунчжу Дуаньян вернулась в поместье, уже смеркалось. Цяо Мань ждала её в покоях. Маленькую кузину она отправила отдыхать до самого ужина.

— Не говори мне, что у тебя не хватило терпения даже на один день. Как я тогда отчитаюсь перед твоим дядей-императором? — проговорила Цяо Ло, заметив на лице дочери недовольство.

Она переодевалась, сбрасывая придворное платье и облачаясь в легкое платье цвета чайной розы с вышивкой орхидей. Сняв перед зеркалом все шпильки, она оставила лишь одну, с золотой бабочкой, и, обернувшись к Цяо Мань, добавила серьезно:

— Как бы там ни было, тебе придется продержаться хотя бы полгода.

— Неужели ты такого мнения о своей дочери, матушка? — Цяо Мань была немного задета, но постаралась взять себя в руки. — Матушка, я думала о том, чтобы пригласить учителей для Цзиньшэн, но не знала, с чего начать. Она ведь даже букв не знает, может, стоит отложить обучение игре на цитре, шахматам, каллиграфии и живописи? Ей уже двенадцать, и раз уж она оказалась в моем поместье, нельзя допустить, чтобы над ней смеялись.

— Сама её и учи, — Цяо Ло на мгновение остановила руку, снимая серьги, и добавила равнодушно: — Ты ведь и сама в этих искусствах не преуспела.

— Матушка! — Цяо Мань слегка топнула ногой. — Разве это одно и то же? Ты же знаешь о моих желаниях.

— Опять капризничаешь? — на лице Чжангунчжу появилась улыбка, и в этот миг она выглядела почти как юная девушка. — Если хочешь, найди учителей для этих бесполезных занятий, если нет — оставь как есть. Но вот грамоте учи её сама.

Цяо Мань всё еще не понимала, но, видя, что мать лишь улыбается, задумалась сама.

Учеба и грамота — вещи, которые для её кузин в императорском дворце были чем-то далеким. Она сама получила к ним доступ лишь благодаря воле матери.

Цяо Мань была наследницей, которую Чжангунчжу Дуаньян воспитывала лично, и то, чему учила её Цяо Ло, сильно отличалось от того, что преподавали обычным девушкам. А рукоделие и прочие женские искусства для Чжангунчжу были действительно бесполезны.

Может быть... мать хочет, чтобы она относилась к Цяо Цзиньшэн так же, как когда-то относились к ней самой?

При этой мысли сердце Цяо Мань дрогнуло, а в глазах промелькнули новые чувства. Чжангунчжу Дуаньян молчала; видя, что дочь, кажется, начала что-то понимать, она велела Юйтао позвать Девятую принцессу к ужину.

— Потерпи еще один день, завтра у тебя будут новые наряды, — сказала Цяо Ло, обращаясь к Цзиньшэн. — Вчера я заметила, что ты любишь сладкое, поэтому велела поварам приготовить несколько видов пирожных. Надеюсь, ты не сочтешь меня навязчивой.

Сказав это, она едва заметно улыбнулась, выглядя при этом невероятно величественно.

Цяо Мань сидела на своем месте, лишь лениво ковыряя палочками рис. Чем больше она думала, тем сильнее запутывалась. Цяо Цзиньшэн — всего лишь кузина. Даже если использовать её как «украшение», чем меньше в ней талантов, тем лучше. Зачем же её развивать? Даже если у неё есть способности, время упущено, и она всё равно не сравнится с принцами, которые младше её.

Она снова покачала головой, решив, что слишком много думает.

От этих раздумий Цяо Мань становилось всё грустнее. Съев всего пару кусочков, она заявила, что сыта. Чжангунчжу Дуаньян всё видела и велела Юйтао передать на кухню, чтобы той приготовили ночной перекус и принесли позже в покои цзюньчжу.

Цяо Цзиньшэн всё еще беспокоилась: во-первых, она не знала, о чем сестрица Мань говорила с тетушкой-принцессой, пока её не было, а во-вторых, боялась, что вечером сестрица Мань начнет спрашивать, насколько хорошо она запомнила план поместья. Раз она не умеет читать, сестрица называла ей всё вслух, обещая, что учиться можно постепенно. Цзиньшэн пересчитала на пальцах: разница между ними всего три года, но пропасть между ними такая, что её не заполнить и за девять лет.

Поэтому, хотя у неё тоже было неважное настроение, она не посмела, как Цяо Мань, оставить еду на тарелке. Стараясь доесть всё до последней рисинки, Девятая принцесса промокнула

губы платком и произнесла:

— Тетушка, сестрица Мань, я тоже закончила.

— Неужели десерты пришлись не по вкусу? — спросила Цяо Ло. — Ты ела их с меньшим удовольствием, чем вчера.

— Нет-нет! — Цзиньшэн покачала головой и взяла кусочек кедрового лакомства, начав медленно его жевать. О том, насколько благоволят к Чжангунчжу Дуаньян, в Ведомстве внутренних дел знали прекрасно, поэтому к её снабжению относились с особым рвением. Не говоря уже о роскошном поместье, даже повара были отобраны из числа лучших императорских кулинаров. Днем, когда они беседовали, Цяо Мань смеясь советовала Цзиньшэн ни в чем себе не отказывать.

Цяо Ло, услышав это, улыбнулась:

— Вот и хорошо. Твоя сестрица Мань сказала мне, что ты еще не умеешь читать? Скажу прямо: в нашей семье нет правила, по которому принцессы обязаны быть грамотными. Если не хочешь — не нужно, достаточно запомнить простые названия. Но мне кажется, что даже девочкам полезно быть начитанными, поэтому я и наняла учителей для твоей сестры.

Цяо Цзиньшэн сжала руки, спрятанные в широких рукавах, и ответила:

— Цзиньшэн, конечно, хочет... — помолчав, добавила: — Тетушке не нужно быть такой официальной. Зовите меня просто по имени, иначе мне очень неловко.

Этому её научила Цяо Мань при расставании. За день общения Цяо Мань прониклась жалостью к этой талантливой девочке. Единственное, что она могла сделать — это устроить жизнь кузины как можно лучше. Цзюньчжу Дуаньян всегда была щедра к тем, кто ей дорог. Она объяснила Цзиньшэн, что расположение матери принесет ей только пользу, и первым шагом к сближению они выбрали именно обращение по имени.

Для детей императора Цзиннина заслужить право называться по имени Чжангунчжу Дуаньян было непросто.

А что касается того, почему она так старается... Цяо Мань вспомнила: в свое время наложница Жун привлекла внимание дяди-императора именно своей ослепительной красотой. Её дочь, даже если долгие годы жила в небрежении, всё равно сохранила эту неувядающую прелесть.

Цзюньчжу Дуаньян никогда не отрицала, что судит людей по внешности. Кто же не любит красивых детей? Тем более, если этот ребенок такой послушный.

Цяо Ло на мгновение замерла, бросила взгляд на дочь и произнесла:

— Раз ты так просишь, Цзиньшэн, мне даже неловко становится.

За время ужина они решили вопросы с обращением и планами на будущее. Цяо Мань, видя, что время позднее, а мать за день в императорском дворце наверняка устала, поднялась, чтобы откланяться. Цяо Ло махнула рукой:

— Куда спешишь? — затем, повернувшись к Цзиньшэн, спросила: — Цзиньшэн, чем ты сегодня занималась?

На этот раз голос Чжангунчжу звучал намного мягче.

Цяо Цзиньшэн немного расслабилась, стараясь говорить увереннее — она помнила слова сестрицы Мань о том, что тетушка не любит, когда люди рядом с ней постоянно дрожат. Убедившись, что голос не дрожит, она ответила:

— Благодарю вас, тетушка. Утром сестрица Мань сидела со мной в павильоне, там так красиво цветут лотосы. Мы обедали там же, а потом сестрица нарисовала для меня план поместья. Только тогда я узнала, что сестрица живет в отдельном дворе.

Сказав это, она смущенно опустила голову, думая совсем о другом.

Сестрица Мань говорила, что тетушка привыкла к интригам и коварству, и чистота, которую проявляет принцесса, не пользующаяся особой милостью, может ей понравиться.

Да... Цзиньшэн хотела, чтобы тетушка её полюбила, но еще больше она хотела, чтобы её полюбила сестрица Мань.

Только так она сможет остаться здесь.

Познав такую прекрасную жизнь, как она могла бы снова вернуться в запустение дворца Чунхуа?

<http://bllate.org/book/20769/2083951>